

По следам одной публикации, или Об отношении к истории науки как к науке

В. Г. Кожухарь

Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет,
Российская Федерация, 194100, Санкт-Петербург, Литовская ул., 2

Для цитирования: *Кожухарь В. Г.* По следам одной публикации, или Об отношении к истории науки как к науке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2022. Т. 17. Вып. 4. С. 315–326. <https://doi.org/10.21638/spbu11.2022.407>

Статья представляет собой историческое расследование, посвященное публикации профессора Т. А. Гинецинской об обстоятельствах выступления профессора Е. С. Данини в декабре 1954 г. с критикой «новой клеточной теории» О. Б. Лепешинской. Проанализировав научные источники, воспоминания современников описанных событий и сопоставив даты, автор доказывает, что выступление в контексте, приведенном в анализируемой статье, не могло иметь места в действительности. Оно проходило в других обстоятельствах и не носило столь драматичного характера. На это указывают задокументированные воспоминания очевидцев и участников заседаний, а также материалы выступлений членов Общества анатомов, гистологов и эмбриологов в Институте экспериментальной медицины (в том числе и Е. С. Данини). Кроме того, показано, что критика в адрес «новой клеточной теории» Лепешинской началась значительно раньше декабря 1954 г. В статье приводятся данные о многочисленных критических высказываниях по поводу теории Лепешинской на различных совещаниях в 1953 и 1954 гг. Критика взглядов Лепешинской к концу 1954 г. перестала представлять опасность для критикующих, а потому драматизм ситуации, описанной в статье Т. А. Гинецинской, представляется не соответствующим реалиям того времени. Автор призывает более ответственно относиться к публикации исторических фактов, так как в противном случае история науки может превратиться в историческую мифологию.

Ключевые слова: Е. А. Гинецинская, Е. С. Данини, О. Б. Лепешинская, новая клеточная теория, история науки.

К 300-летию Санкт-Петербургского университета

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. биология в Советском Союзе переживала сложные времена. Вследствие вульгарного перенесения в естественные науки методов классовой борьбы, свойственных ВКП(б), под надуманным предлогом и по псевдоидеологическим соображениям подверглись разгрому целые научные направления, такие как генетика, цитология и в несколько меньшей степени физиология. В частности, при поддержке высокопоставленных ученых-конъюнктурщиков (Т. Д. Лысенко, Н. Н. Жуков-Вережников, И. Н. Майский, А. Н. Студитский, А. И. Опарин и др.) и стоящих за ними представителей партийно-советской номенклатуры превозносилась и навязывалась в качестве единственно правильного учения так называемая «новая клеточная теория». Ее продвигала в качестве

новой и прогрессивной альтернативы (в противовес взглядам Р. Вирхова) ставшая в 1950 г. академиком Академии медицинских наук СССР Ольга Борисовна Лепешинская (1871–1963).

Выпускница училища лекарских помощниц и фельдшерниц, в эмиграции она училась (но не доучилась) на медицинском факультете университета в Лозанне, а в 1915 г. окончила медицинский факультет Московского университета. Лепешинская не имела ни фундаментального биологического образования, ни серьезной научной школы за плечами. Ольга Борисовна посвятила многие годы своей жизни деятельности профессиональной революционерки, а после революции — работе на общественном поприще, была лично хорошо знакома с В. И. Лениным и И. В. Сталиным. Заниматься научной работой она начала в 1926 г. (в гистологической лаборатории Биологического института им. К. А. Тимирязева). К тому времени ей было уже больше 50 лет, она представляла собой вполне сложившуюся личность, а потому перенесла в свою новую деятельность старые привычки и методы классовой политической и идеологической борьбы. В основе выдвинутой Лепешинской «новой клеточной теории» лежали неоламаркистские и весьма фантастические представления о происхождении клеток из неклеточного «живого вещества» как в филогенезе, так и в онтогенезе.

Против этой концепции начиная с 1930-х гг. выступали многие биологи и морфологи, но Лепешинская, не принимая во внимание никакие аргументы оппонентов, продолжала продвигать свою теорию. В 1945 г. она опубликовала книгу «Происхождение клеток из живого вещества и роль живого вещества в организме» [1], в которой обобщила все свои предыдущие работы. В 1948 г. в газете «Медицинский работник» была напечатана рецензия на эту книгу, подписанная 13 известными ленинградскими биологами и гистологами и озаглавленная «Об одной ненаучной концепции» [2]. Поскольку рецензия носила острый полемический характер и была опубликована не в научном журнале, а в газете, она стала восприниматься как письмо и вошла в историю науки как «Письмо тринадцати». История, связанная с подготовкой, а также написанием данного «Письма» и событиями, произошедшими после его публикации, подробно описана в ряде работ [3–6]. Надо отметить, что под нажимом представителей властных структур (в первую очередь, научно-бюрократических) авторы «Письма» были вынуждены публично отказаться от своих взглядов, покаяться и признать правоту Лепешинской. Некоторые из подписавших рецензию, особенно те, кто недостаточно покаялся, лишились работы. После проведения в мае 1950 г. совместного совещания Отделения биологических наук АН СССР и руководства АМН СССР взгляды Лепешинской были канонизированы, а «новая клеточная теория» стала насаждаться авторитарными методами не только в научный процесс, но и в преподавание. В научном сообществе сложилась очень тяжелая обстановка, что хорошо отражено во многих работах, посвященных данному вопросу [3; 5; 7; 8].

В частности, о положении дел на биофаке ЛГУ достаточно подробно написано в статье Т. А. Гинецинской «Биофак Ленинградского университета после сессии ВАСХНИЛ» [9]. Автор сама была свидетелем событий, описанных в ее воспоминаниях, а потому они представляют несомненный интерес. Однако речь в указанной работе идет не только об университете. В ней описан случай, будто бы имевший место в Ленинградском педиатрическом медицинском институте (ЛПМИ, в насто-

ящее время Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет — СПбГПМУ). История очень драматичная, словно сцена из романа или кинофильма. Привожу цитату из статьи Т. А. Гинецинской.

«В этой связи не могу не рассказать о событии, которое произошло не в университете, а в Ленинградском педиатрическом медицинском институте. Там, как и во всех других медицинских и биологических учреждениях, шла конференция, посвященная трудам О. Б. Лепешинской. Было много выступлений. Все спешили засвидетельствовать свой восторг перед ее достижениями. Молчал только один человек — заведующий кафедрой гистологии профессор Евгений Сильвиевич Данини. Он был очень тяжело болен, смертельно болен. Это было всем известно, и многие удивлялись тому, что он не воспользовался своим правом больного не участвовать в этом тягостном и утомительном фарсе. Но, когда заседание уже подходило к концу, Данини неожиданно попросил слова. У меня нет стенограммы его выступления, но полагаю, что смогу довольно точно передать содержание его речи.

“У меня совершенно особое положение, — сказал Данини, — это выступление будет последним в моей жизни, потому что одной ногой я уже там, в могиле. Мне нечего терять, и я могу откровенно сказать все, что я думаю о Лепешинской”. После такого трагически прозвучавшего вступления он спокойно и методично разобрал взгляды и “достижения” О. Б. Лепешинской, не оставив камня на камне. Его слушали в глубоком молчании, никто не посмел прервать или остановить его. Через несколько дней его не стало. Но имя Данини было у всех на устах; добрая слава о нем разнеслась по загнанному и запуганному миру биологов и медиков. Да, в то страшное время только умирающий мог позволить себе сказать правду вслух!» [9].

Тут следует отметить, что Е. С. Данини умер 26 декабря 1954 г., из чего следует, что описанное выступление могло состояться (если оно в действительности имело место в описанных обстоятельствах, в чем, как мы увидим далее, есть большие сомнения) где-то в середине декабря 1954 г.

Евгений Сильвиевич Данини (1894–1954) — выпускник естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (1917 г.), ученик, а затем один из соратников А. А. Заварзина по работе в Пермском университете (1918–1946 гг.), заведовал кафедрой гистологии и эмбриологии в Ленинградском педиатрическом медицинском институте с 1946 по конец 1954 г. (рис. 1). Е. С. Данини был высоко образованным гистологом, изучавшим прежде всего ткани внутренней среды, разрабатывавшим теорию камбиальности [10]. Все работавшие с ним или хорошо его знавшие люди (Л. Д. Марцинкевич, В. В. Молчанова, Н. Р. Амосова, А. Г. Кнорре, В. П. Михайлов) отмечали такие его качества,

Рис. 1. Евгений Сильвиевич Данини
Источник: Архив кафедры гистологии и эмбриологии им. проф. А. Г. Кнорре СПбГПМУ

Рис. 2. Встреча А. Г. Кнорре (второй слева) в неформальной обстановке с сотрудниками кафедры гистологии и эмбриологии ЛПМИ 26 июня 1949 г. Первый справа — Е. С. Данини

Источник: Архив кафедры гистологии и эмбриологии им. проф А. Г. Кнорре СПбГМУ

как интеллигентность, доброжелательность, непринужденность и искренность. Однако он не был ни упорным бойцом в научных дискуссиях (как В. П. Михайлов), ни мастером изощренной полемики (как А. Г. Кнорре). Данини не подписал «Письмо тринадцати» (в действительности разгромную рецензию на книгу Лепешинской), хотя трудно представить, что ему не показывали текст этого «письма», так как инициатива написания и авторство данной рецензии принадлежала его хорошему знакомому — выпускнику биологического факультета ЛГУ Алексею Георгиевичу Кнорре (1914–1981) [4]. Круг гистологов и цитологов всегда был весьма узким, все неплохо знали друг друга. Сохранились свидетельства вполне приятельских отношений А. Г. Кнорре (работавшего в те годы на кафедре Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова под руководством Н. Г. Хлопина) с коллективом кафедры гистологии и эмбриологии ЛПМИ, которой заведовал Е. С. Данини (рис. 2). С полной уверенностью можно утверждать, что Евгений Сильвиевич был ознакомлен с «Письмом», но не подписал его ни в первоначальном, ни в окончательном (опубликованном в «Медицинском работнике») варианте. Данини оказался единственным из руководителей кафедр гистологии ленинградских вузов, кто не поставил свою подпись под «Письмом тринадцати».

Сама автор статьи «Биофак Ленинградского университета после сессии ВАСХНИЛ», Татьяна Александровна Гинецинская (1917–2009) — также выпускница биофака ЛГУ, известный зоолог и паразитолог, ученица В. А. Догеля, профессор кафедры зоологии беспозвоночных Санкт-Петербургского государственного университета (рис. 3). Она много лет проработала в ЛГУ/СПбГУ и была современ-

ницей всех перипетий истории, связанной с Лепешинской и ее «открытиями». Однако к Ленинградскому педиатрическому медицинскому институту Т. А. Гинецинская непосредственного отношения не имела. В таком случае откуда появилась информация о событиях, имевших место в ЛПМИ, и участии в них Данини (и не просто сухая информация, а подробное и красочное описание происходящего, как будто автор сам был участником событий)? Можно с очень большой долей вероятности предположить, что Т. А. Гинецинская слышала какой-то рассказ о выступлении Е. С. Данини от профессора В. М. Карасика.

Владимир Моисеевич Карасик был выдающимся фармакологом и токсикологом, академиком АМН СССР. Он с 1936 по 1964 г. заведовал кафедрой фармакологии Ленинградского педиатрического медицинского института, которую и основал. Иными словами, во время эпопеи возвышения, а затем падения Лепешинской Владимир Моисеевич работал в ЛПМИ и, несомненно, был знаком с Евгением Сильвиевичем Данини. Среди ближайших друзей В. М. Карасика — профессор А. Г. Гинецинский — отец Татьяны Александровны. Александр Григорьевич Гинецинский (1895–1962) — выдающийся физиолог, ученик и сотрудник Л. А. Орбели, основатель кафедры физиологии ЛПМИ и ее заведующий с 1932 по 1951 г., член-корреспондент АМН СССР. Карасик и Гинецинский дружили семьями, часто встречались в свободное время, вместе проводили отпуск. Татьяна Александровна вспоминает об этом так (речь идет о конце 1930-х гг.): «После обеда гости не расходились, и общение между друзьями продолжалось до позднего вечера... Мужчины же оставались за столом с бутылкой хорошего грузинского вина. Их застольная беседа была едва ли не главной частью каждой воскресной встречи. А я, студентка университета, будущий биолог, по сложившейся традиции оставалась с ними. Так много получила я, слушая их разговор! Как это было интересно! А они рассказывали друг другу о том, что удалось сделать за прошедшую неделю. Встречи то в одном, то в другом доме происходили каждое воскресенье... Эти неторопливые беседы за стаканом вина были для меня не только неиссякаемым источником знаний. Это было и нечто большее: передо мной открывались тайны творческого процесса, ход научных рассуждений, умение разобраться подчас в противоречивых результатах эксперимента» [11, с. 14–15]. Нет никакого сомнения в том, что «за стаканом вина» обсуждались не только научные эксперименты, но и события, происходившие в ЛПМИ, в которых А. Г. Гинецинский и В. М. Карасик принимали участие, так как каждый из них возглавлял одну из кафедр. Нет ничего удивительного в том, что Т. А. Гинецинская с молодых лет была в курсе этих событий и наверняка многое слышала о жизни и персоналиях Педиатрического института.

Рис. 3. Татьяна Александровна Гинецинская

Источник: http://www.zoology.bio.spbu.ru/History/Remark_people/r_rem_ginecinskaya.html

В 1950 г. в Москве состоялась печально знаменитая Объединенная («Павловская») сессия АН и АМН СССР, на которой А. Г. Гинецинский в числе немногих пытался выступить в поддержку Л. А. Орбели, за что вскоре и поплатился. Он был уволен с должности заместителя директора Физиологического института им. И. П. Павлова, а также был вынужден уйти с заведования кафедрой нормальной физиологии ЛПМИ. Александр Григорьевич уехал в Новосибирск, где фактически организовал кафедру физиологии при местном медицинском институте. Таким образом, с 1951 по 1955 г. А. Г. Гинецинского не было в Ленинграде, и он не мог быть свидетелем «предсмертного» выступления Е. С. Данини, которое, как следует из статьи Т. Г. Гинецинской, могло иметь место в середине декабря 1954 г. В той же публикации («Биофак Ленинградского университета после сессии ВАСХНИЛ») Татьяна Александровна ссылается на записи В. М. Карасика, приводя выписки из его дневника, рассказывающие о поведении различных ученых во времена «лепешинковщины». Там упоминаются Д. И. Дейнека, Д. Н. Насонов и Ю. И. Полянский, но ни слова нет о Е. С. Данини, хотя он представляется в роли главного трагического героя. Содержание его выступления, да и вся история подается в версии автора Т. А. Гинецинской, которая пишет: «... полагаю, что смогу довольно точно передать содержание его речи» [9]. Если бы Т. А. Гинецинская располагала дневниковыми записями того же В. М. Карасика или иными источниками, то обязательно сослалась бы на них, но в данном случае ссылки нет. Это указывает на то, что информация была получена при личных контактах с чьих-то слов (вероятно, В. М. Карасика). Он умер в 1964 г., А. Г. Гинецинский — в 1962 г., а статья с рассказом о выступлении Е. С. Данини написана в 1991 г. Таким образом, Т. А. Гинецинская даже теоретически могла слышать рассказ о выступлении Е. С. Данини без малого за 30 лет до написания статьи, а скорее всего, намного раньше «по горячим следам». Самой Татьяне Александровне в период написания истории о трагическом выступлении Данини было 74 года. Что-то могло сохраниться в памяти не совсем точно и, в свою очередь, повлиять на изложение фактической стороны дела. В действительности фрагмент, посвященный выступлению Е. С. Данини в работе Т. А. Гинецинской, представляется не вполне соответствующим историческим реалиям и вызывает ряд вопросов.

Во-первых, не сохранилось никаких свидетельств и документов о проведении в ЛПМИ конференции, посвященной проблеме «живого вещества» в конце 1954 г. Автору данной статьи довелось много лет работать совместно с сотрудниками и учениками Е. С. Данини (Л. Д. Марцинкевич, Н. Р. Амосова, Л. Д. Петрова (Лобза), В. В. Молчанова) и неоднократно беседовать с ними о временах «лысенковщины» и «лепешинковщины». Все они с большой теплотой отзывались о своем начальнике и научном руководителе профессоре Е. С. Данини, но никто ни разу не упомянул об истории, описанной Т. А. Гинецинской. Более того, когда автор этих строк специально расспрашивал Валентину Витальевну Молчанову, которая была аспиранткой Е. С. Данини и никак не могла бы пропустить столь значимое его выступление в родном институте незадолго до смерти, то и она не подтверждала ни сам факт проведения конференции в ЛПМИ, ни факт выступления на нем своего научного руководителя. Все современники тех событий указывали на то, что Е. С. Данини действительно выступал с критикой теории «живого вещества», но не в педиатрическом институте, а на заседании Ленинградского научного общества анатомов,

гистологов и эмбриологов в Институте экспериментальной медицины и что выступление это не носило такой трагической окраски, как описано в статье Т. А. Гинецинской.

Во-вторых, следует отметить, что критика взглядов О. Б. Лепешинской (без каких-либо серьезных негативных последствий для критикующих) началась значительно раньше смерти Е. С. Данини. Так, еще в 1952 г., т. е. до смерти Сталина, в «Ботаническом журнале» вышли две статьи: Н. В. Турбина [12] и Н. Б. Иванова [13] с серьезной критикой взглядов Т. Д. Лысенко на видообразование. Обстоятельства публикации этих работ и борьба, развернувшаяся после их выхода в свет, подробно описаны в книге В. Я. Александрова «Трудные годы советской биологии». В ней читаем: «...статьи Турбина и Иванова прорвали цензурную преграду и тем самым открыли путь к потоку критических статей, разоблачивших лысенковскую лженауку... появление в конце 1952 г. в «Ботаническом журнале» статей Иванова и Турбина ознаменовало снятие цензурного запрета на критику не только антидарвинского лжеучения Лысенко, но и других аспектов «передовой мичуринской биологии», включая «новую клеточную теорию» Лепешинской. Это означало перелом в судьбе советской биологии. Как сжатая пружина, она начала расправляться по мере ослабления наложенного на нее гнета. Никогда не утихавшая борьба за оздоровление нашей биологии наконец смогла выйти из подполья» [3, с. 125].

В 1953 г. была опубликована работа Т. И. Фалеевой [14], в которой напрямую опровергались представления Лепешинской о развитии яйцеклетки осетровых рыб (на примере севрюги). По теории «живого вещества» ядро яйцеклетки рассеивается, и яйцеклетка превращается в неклеточную безъядерную структуру. Впоследствии ядро вторично образуется из «протоплазматической зернистости». Лепешинская трактовала это как пример рекапитуляции образования клеток из доклеточного «живого вещества» в филогенезе. Т. И. Фалеева показала, что в действительности ядро сохраняется в течение всего периода развития яйцеклетки, а выводы Лепешинской связаны с методической ошибкой (или невнимательностью), так как яйцеклетка осетровых рыб содержит довольно много желтка (мезолецитальный тип) и имеет достаточно большие размеры. Диаметры ооцита и яйцеклетки у севрюги составляют в среднем от 500 до 700 мкм, а диаметр ядра — не более 10 мкм, то есть ядро попадает в 1–2 среза. Ошибка Лепешинской состояла в том, что она, вероятно, не просматривала все серийные срезы, а потому просто не заметила ядра ооцита (яйцеклетки) и подогнала полученные ею «результаты» под свою теорию.

23 и 24 декабря 1953 г. на заседании Ленинградского общества анатомов, гистологов и эмбриологов была проведена творческая дискуссия на тему «Исторический метод в гистологии». На каждом из заседаний присутствовало примерно 150 человек — это были не только ленинградские морфологи, но и гости из Москвы и других городов. Следует отметить, что такой интерес к заседанию был вызван тем, что, помимо собственно исторического метода, в гистологии рассматривалась и была подвергнута критическому анализу (хотя еще достаточно осторожно) «новая клеточная теория» Лепешинской. Основной доклад сделал А. Г. Кнорре, избрав следующую тактику: с одной стороны, он отметил «прогрессивное значение... идейного поворота, который произошел в советской гистологии... под влиянием требований

О. Б. Лепешинской изучать клетку “в ее движении, в ее историческом и индивидуальном развитии”, с другой стороны, подверг критике «отдельные слабые стороны работ О. Б. Лепешинской и некоторых других исследователей, пытавшихся обосновать учение о развитии живого вещества новыми фактами». Кнорре раскритиковал в весьма изощренной форме и работы самой Лепешинской, и ее последователей, оказавших «медвежью услугу учению о развитии живого вещества: вместо... критического подхода к фактам... [они] стали догматически восхвалять подряд все положения и наблюдения О. Б. Лепешинской. Следствием... явилось в последнее время засорение... научной литературы скороспелыми недоброкачественными работами» [15, с. 66]. Достаточно резко высказался в своем выступлении о теории «живого вещества» еще один выпускник ЛГУ (1929 г.) Лев Николаевич Жинкин (1908–1971), отметив, что «положение О. Б. Лепешинской о том, что всякая клетка — из живого вещества, стоит в противоречии с историческим пониманием преемственности структуры» [15, с. 69]. Л. Н. Жинкин подверг критике биологическое отделение АН СССР за неоправданное введение в учебную программу высшей школы спорных «новинок», имея в виду «новую клеточную теорию». В качестве оппонента теории Лепешинской выступил и выпускник ЛГУ (1929 г.) Владимир Яковлевич Александров (1906–1995), который приветствовал критику «фактов, лежащих в основе теории развития живого вещества», впервые открыто прозвучавшую в докладе А. Г. Кнорре. В своем выступлении он, в частности, сказал: «Дело не только в том, справедливы ли или несправедливы факты, говорящие о происхождении клеток из живого вещества. За этими фактами стоит теория, к которой гистолог должен как-то относиться. Если согласиться с О. Б. Лепешинской, что элементы крови могут возникать и из желточных зерен, и из мезенхимы, а фибробласты — и из кровяной зернистости и из мезенхимы, то для чего мы будем строить гистогенетическую систему тканей?» [15, с. 70–71]. Таким образом, шлюзы для критики теории «живого вещества» были открыты, хотя критика затрагивала в первую очередь фактическую сторону, формально не ниспровергая теоретическую основу «новой клеточной теории». Это напоминало песенку «Все хорошо, прекрасная маркиза, за исключением пустяка».

В апреле 1954 г. ситуация кардинально изменилась, и не в пользу Лепешинской. Так, на заседании Ленинградского общества анатомов, гистологов и эмбриологов 2 апреля 1954 г. с открытой всесторонней критикой, затрагивающей основы «новой клеточной теории», выступил выпускник ЛГУ (1928 г.) Петр Васильевич Макаров (1905–1975), сам еще недавно приверженец теории «живого вещества». В работе, выполненной совместно с В. Е. Козловым, он опроверг данные О. Б. Лепешинской о зарождении клеток из неклеточного вещества, полученного при растирании в ступке гидр. Выпускник ЛГУ (1931 г.) Владимир Павлович Михайлов (1908–1994) в своем выступлении разгромил ошибочные представления Л. В. Полежаева, одного из апологетов теории Лепешинской, пытавшегося доказать, что при регенерации конечности головастика лягушки новые клетки образуются не только путем деления, но и из «живого вещества». А. Г. Кнорре выступил на том же заседании с опровержением одного из основных аргументов Лепешинской о возникновении новых клеток из желтка куриного яйца. В заключительном слове с резкой критикой работ Лепешинской выступил председательствующий на заседании член-корреспондент АМН СССР С. И. Щелкунов [3]. Таким образом, уже

весной 1954 г. запрет на критику «новой клеточной теории» был снят de facto, показывать всю абсурдность этой теории публично стало позволительно и перестало представлять большую опасность.

Вероятно, именно на этом заседании (2 апреля 1954 г.) присутствовал и выступал в прениях Е. С. Данини. В статье А. Г. Кнорре и Л. Д. Марцинкевич, посвященной его научной, педагогической и общественной деятельности, говорится: «Устойчивость научных принципов Евгения Сильвиевича ярко сказалась в годы (1950–1953), когда усердно насаждалась “новая клеточная теория”: Евгений Сильвиевич все это время сохранял весьма скептическое к ней отношение. Незадолго до смерти он нашел силы для участия в заседании в Институте экспериментальной медицины, где Л. Н. Жинкиным и В. П. Михайловым был сделан доклад, посвященный критическому разбору “новой клеточной теории”. Евгений Сильвиевич был глубоко взволнован этим обсуждением и со слезами на глазах сказал в своем выступлении: “Я счастлив, что дожид до такого времени, когда вновь заговорили о несостоятельности этой теории”» [10, с. 28–29]. В воспоминаниях А. Г. Кнорре и Л. Д. Марцинкевич мы вновь сталкиваемся с неточностью. Дело в том, что знаменитый доклад Л. Н. Жинкина и В. П. Михайлова был сделан в мае 1955 г., а Е. С. Данини умер в декабре 1954 г. и не мог на нем присутствовать. На упомянутом заседании выступал В. П. Михайлов, и, может быть, это явилось причиной неточности в воспоминаниях Кнорре и Марцинкевич. Так или иначе, но Данини не был главным действующим лицом на заседании Ленинградского общества анатомов, гистологов и эмбриологов 2 апреля 1954 г.

В статье-некрологе, посвященной памяти Е. С. Данини и опубликованной вскоре после его смерти, читаем следующее: «Специальная статья Е. С. Данини посвящена проблеме тканевой камбиальности (1950) с позиций школы А. А. Заварзина. Этому же вопросу Евгений Сильвиевич посвятил другую статью, работу над которой он закончил незадолго до смерти (1954). За 9 дней до смерти он, выступая на научном заседании в Институте экспериментальной медицины, сообщил о своем желании поставить эту статью на обсуждение на очередном заседании» [16, с. 63]. Сомневаться в достоверности данной информации не приходится, так как речь идет о событии, имевшем место совсем незадолго до написания статьи-некролога. Кроме того, все авторы были лично хорошо знакомы с Е. С. Данини и участвовали в упомянутом заседании. Поскольку речь шла о проблеме камбиальности и затрагивала новообразование клеток, то совершенно очевидно, что в своем выступлении Евгений Сильвиевич не мог не подвергнуть критике «новую клеточную теорию» Лепешинской («не оставив камня на камне» [9]), хотя в тот период критика подобного рода уже не представляла опасности. «Корабль Лепешинской» дал течь и начал идти ко дну. По-видимому, вся эта сама по себе драматичная ситуация (выступление незадолго до смерти) трансформировалась по принципу испорченного телефона в то, что было описано Т. А. Гинецинской в ее публикации.

Казалось бы, на этом можно поставить точку, но напрашивается еще один не самый приятный вывод. Почему уважаемый и известный ученый (Т. А. Гинецинская) в статье, посвященной истории науки, использует непроверенную и недостоверную информацию (воспроизведенную с чьих-то слов и по памяти)? В мемуарной литературе мы сплошь и рядом сталкиваемся с недостоверными фактами и субъ-

ективными трактовками, иногда эти трактовки (и даже факты!) противоречат друг другу или являются взаимоисключающими. Примеров можно привести множество: воспоминания Н. Берберовой и И. Одоевцевой или Г. Иванова и М. Цветаевой. Список можно продолжать, но в этих случаях мы имеем дело с воспоминаниями творческих личностей, наделенных большим и часто весьма своеобразным воображением, а не с научными работами. Научная статья — не мемуары. История (история науки в том числе) также является наукой, как паразитология или цитология, а поэтому публиковать информацию, полученную лишь с чьих-то слов без должной проверки и без отсылки к первоисточнику, — по меньшей мере некорректно. Ведь не пришло бы в голову серьезному исследователю публиковать ради подтверждения своей теории непроверенные данные. Чем это лучше той же Лепешинской? Факт — главный элемент в такой науке, как история. Можно давать разные трактовки, толкования, объяснения, но не фальсифицировать и не публиковать непроверенные или недостоверные факты, даже если они хорошо дополняют и иллюстрируют общую концепцию. Если этому не следовать, то вместо исторической науки получится историческая мифология. Хотелось бы, чтобы ученые, в том числе известные, заслужившие признание в естественных науках, относились к истории с таким же уважением, как и к предмету своих профессиональных исследований.

Литература

1. *Лепешинская О. Б.* Происхождение клеток из живого вещества и роль живого вещества в организме. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 294 с.
2. *Хлопин Н., Полянский Ю., Макаров П., Гербицкий Н., Догель В., Насонов Д., Светлов П., Кацнельсон З., Токин Б., Александров В., Галустян Ш., Кнорре А., Михайлов В.* Об одной ненаучной концепции // *Медицинский работник*. 1948. № 29 (787). С. 3.
3. *Александров В. Я.* Трудные годы советской биологии. Записки современника. СПб.: Наука, 1993. 262 с.
4. *Кожухарь В. Г.* Новые данные о роли А. Г. Кнорре в подготовке и написании статьи «Об одной ненаучной концепции» («Письмо тринадцати») // *Морфология*. 2019. Т. 156, № 6. С. 9–14.
5. *Сойфер В. Н.* Красная биология: псевдонаука в СССР. М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 1998. 264 с.
6. *Шевлюк Н. Н.* «Письмо тринадцати» и судьба его авторов (О. Б. Лепешинская и ее критики) // *Морфология*. 2011. Т. 140, № 4. С. 73–77.
7. *Гайсинович А. Е., Музрукова Е. Б.* «Учение» О. Б. Лепешинской о «живом веществе» // *Репрессированная наука*. Л.: Наука, 1991. С. 71–90.
8. *Рапопорт И. А.* Недолгая жизнь «живого вещества» // *Своевременные мысли, или Пророки в своем Отечестве*. Л.: Лениздат, 1989. С. 129–145.
9. *Гинецинская Т. А.* Биофак Ленинградского университета после сессии ВАСХНИЛ // *Репрессированная наука*. Л.: Наука, 1991. С. 114–125. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/memory/gin91os.htm> (дата обращения: 20.12.2022).
10. *Кнорре А. Г., Марцинкевич Л. Д.* Евгений Сильвиевич Данини (1894–1954). Очерк научной, педагогической и общественной деятельности // *Вопросы сравнительной, экспериментальной и возрастной морфологии тканей внутренней среды*. Л.: [Б. и.], 1960. С. 7–34.
11. Академик Владимир Моисеевич Карасик — фармаколог и токсиколог / под ред. Н. П. Лапина. СПб.: ЛПМИ, 1994. 84 с.
12. *Турбин Н. В.* Дарвин и новое учение о виде // *Ботанический журнал*. 1952. Т. 37, № 6. С. 798–818.
13. *Иванов Н. Д.* О новом учении Т. Д. Лысенко о виде // *Ботанический журнал*. 1952. Т. 37, № 6. С. 819–842.
14. *Фалеева Т. И.* Цитоморфологические данные о процессах созревания и оплодотворения яйцеклетки осетра и севрюги // *ДАН СССР*. 1953. Т. 91, № 1. С. 161–163.
15. *Долго-Сабуров Б. А., Кнорре А. Г.* Дискуссия об историческом методе в гистологии // *Архив анатомии, гистологии и эмбриологии*. 1954. Т. 31, № 2. С. 65–74.

16. Громцева К. Е., Кнорре А. Г., Марцинкевич Л. Д., Михайлов В. П. Евгений Сильвиевич Данини (1894–1954). Очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Архив анатомии, гистологии и эмбриологии. 1955. Т. 32, № 2. С. 61–65.

Статья поступила в редакцию 30 декабря 2022 г.;
рекомендована к печати 8 февраля 2023 г.

Контактная информация:

Кожухарь Владимир Гарибальдиевич — канд. мед. наук, доц.; v.kojukhar@yandex.ru

In the wake of one publication, or about the attitude to the history of science as a science

V. G. Kozhukhar

St. Petersburg State Pediatric Medical University,
2, ul. Litovskaya, St. Petersburg, 194100, Russian Federation

For citation: Kozhukhar V. G. In the wake of one publication, or about the attitude to the history of science as a science. *Vestnik of Saint Petersburg University. Medicine*, 2022, vol. 17, issue 4, pp. 315–326. <https://doi.org/10.21638/spbu11.2022.407> (In Russian)

The article is a historical investigation devoted to reliability of Professor T. A. Ginetsinskaya's publication about the circumstances of Professor E. S. Danini's speech (December 1954) criticizing O. B. Lepeshinskaya's "new cellular theory". After analyzing scientific sources, memoirs of contemporaries of the described events and comparing the dates, the author proves that E. S. Danini's speech in the context given in T. A. Ginetsinskaya's article could not have taken place in reality. It took place in other circumstances and was not so dramatic. This is indicated by the documented memories of eyewitnesses and participants of the meetings, as well as materials of speeches by members of the Society of Anatomists, histologists and embryologists at the Institute of Experimental Medicine (including E. S. Danini). In addition, it is shown that criticism of Lepeshinskaya's "new cellular theory" had begun much earlier than December 1954. The article provides data of numerous critical speeches about Lepeshinskaya's theory at various meetings in 1953 and 1954. Criticism of Lepeshinskaya's views by the end of 1954 ceased to pose a danger to critics, and therefore the drama of the situation described in Ginetsinskaya's article does not seem to correspond to the realities of that time.

Keywords: T. A. Ginetsinskaya, E. S. Danini, O. B. Lepeshinskaya, *new cell theory*, history of science.

References

1. Lepeshinskaya O. B. *The origin of cells from living matter and the role of living matter in organism*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Press, 1945, 294 p. (In Russian)
2. Khlopin N., Polianskii Y., Makarov P., Gerbil'skii N., Dogel' V., Nasonov D., Svetlov P., Katsnel'son Z., Tokin B., Aleksandrov V., Galustian Sh., Knorre A., Mikhailov V. On one nonscientific concept. *Meditsinskii rabotnik*, 1948, vol. 29 (787), p. 3. (In Russian)
3. Alexandrov V. Ya. *Difficult years of Soviet biology. Notes of a contemporary*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993, 262 p. (In Russian)
4. Kozhukhar V. G. New data on the role of A. G. Knorre in the preparation and writing of the article "On one unscientific concept" ("The letter of the thirteen"). *Morfologiya*, 2019, vol. 156, no. 6, pp. 9–14. (In Russian)
5. Soifer V. N. *Red biology: pseudoscience in the USSR*. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute Press, Flinta Publ., 1998, 264 p. (In Russian)

6. Shevliuk N.N. "The letter of the thirteen" and the fate of its authors (O. B. Lepeshinskaya and her critics). *Morfologiya*, 2011, vol. 140, no. 4, pp. 73–77. (In Russian)
7. Gaysinovich A. E., Muzrukova E. B. "Doctrine" of Lepeshinskaya about "living matter". *Repressed science*. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 71–90. (In Russian)
8. Rapoport I. A. The short life of "living matter". *Svoevremennye mysli, ili Proroki v svoem Otechestve*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989, pp. 129–145. (In Russian)
9. Ginecinskaia T. A. Biology Faculty of Leningrad University after the session of VASHNIL. *Repressed science*. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 114–125. (In Russian)
10. Knorre A. G., Martsinkevich L. D. Evgeny Silvievich Danini (1894–1954). An essay on scientific, pedagogical, and social activities. *Voprosy sravnitel'noi, eksperimental'noi i vozrastnoi morfologii tkanei vnutrennei sredy*. Leningrad, [s. n.], 1960, pp. 7–34. (In Russian)
11. Academician Vladimir Moiseevich Karasik is a pharmacologist and toxicologist. Ed. by I. P. Lapin. St. Petersburg, LPMI Press, 1994, 84 p. (In Russian)
12. Turbin N. V. Darwin and the new doctrine of the species. *Botanicheskij zhurnal*, 1952, vol. 37, no. 6, pp. 798–818. (In Russian)
13. Ivanov N. D. About T. D. Lysenko's new doctrine about the species. *Botanicheskii zhurnal*, 1952, vol. 37, no. 6, pp. 819–842. (In Russian)
14. Faleeva T. I. *Cytomorphological data on the processes of maturation and fertilization of the egg of sturgeon and sevryuga*. *DAN SSSR*, 1953, vol. 91, no. 1, pp. 161–163. (In Russian)
15. Dolgo-Saburov B. A., Knorre A. G. Discussion on historical method in histology. *Arh. anat.*, 1954, vol. 31, no. 2, pp. 65–74. (In Russian)
16. Gromceva K. E., Knorre A. G., Marcinkevich L. D., Mikhailov V. P. Evgeny Silvievich Danini (1894–1954). Essay on scientific, pedagogical, and social activities. *Arh. anat.*, 1955, vol. 32, no. 2, pp. 61–65. (In Russian)

Received: December 30, 2022

Accepted: February 8, 2023

Author's information:

Vladimir G. Kozhukhar — PhD, Associate Professor; v.kojukhar@yandex.ru